

ЭКСПЕРТ И ПРОФАН: КОММУНИКАТИВНЫЕ ПАРАДОКСЫ ЭКСПЕРТИЗЫ И КОНТР-ЭКСПЕРТИЗЫ

Брызгалина Елена

Владимировна – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail: evbrz@yandex.ru

Киселёв Владимир

Николаевич – кандидат философских наук, доцент. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4; e-mail: vnkiselev@list.ru

В статье обоснована возможность трактовки экспертизы как исследовательской коммуникативной практики в отличие от экспертного «сравнения с образцом». Внутрь так понимаемых экспертиз оказывается институционально встроена контр-экспертиза. Коммуникация экспертной и контр-экспертной позиции, представляющей собой феноменологический личностный выбор, может иметь формат личного институционально оформленного общения и быть опосредованной медиаторами и медиатекстами. Результаты взаимодействия экспертизы и контр-экспертизы определяются множеством факторов, среди которых важно совпадение (несовпадение) образов будущего. Коммуникация между профаном и экспертом по поводу наукообразных ситуаций может быть рассмотрена в призме различных оптик – лингвистической, социологической, социально-политической, психологической оптик, фиксирующих ряд несколько парадоксов (равенства, ограниченного выбора, избытка/дефицита).

Ключевые слова: экспертиза, контр-экспертиза, «профанное знание», парадоксы коммуникации

EXPERT AND LAYMAN: COMMUNICATIVE PARADOXES OF EXPERTISE AND COUNTER-EXPERTISE

Elena V. Bryzgalina –

PhD in Philosophy, associate professor. Lomonosov Moscow State University. GSP-1, Lomonosovsky prospekt, 27–4, Moscow, 119991, Russia; e-mail: evbrz@yandex.ru;

Vladimir N. Kiselev –

PhD in Philosophy, associate professor. GSP-1, Lomonosovsky prospekt, 27–4, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: vnkiselev@list.ru

The article substantiates the possibility of interpreting expertise as a research communicative practice, in contrast to the expert “comparison with the sample”. Inside the so-called examinations, a counter-examination is institutionally integrated. The communication of expert and counter-expert position, which is a phenomenological personality choice, can take a form of personal institutionalized communication, and can be mediated by mediators and media texts. The results of examination and counter-interaction are determined by many factors, among which the coincidence (mismatch) of the images of the future. Communication between a layman and an expert about science-dimensional situations can be considered in prism of various optics – linguistic, sociological, socio-political, psychological optics, fixing a number of several paradoxes (equality, limited choice, excess / deficit).

Keywords: expertise, counter-expertise, “layman’s knowledge”, communication paradoxes

Представляется важным поддержать дискуссию, начатую чрезвычайно актуальным текстом С.Ю. Шевченко. В кризисе отношения к экспертизе и экспертности соединились различные проблемы современного общества в целом, социальных групп и отдельных индивидов. Нарастающее недоверие к социальным институтам, негативное отношение общества к коммерциализации ключевых сфер принятия жизненно важных решений – медицины, образования, межличностных отношений, усугубляющиеся противоречия между властно-вертикальными и горизонтально-сетевыми социальными взаимодействиями, расширение полей и форм «политического», неразвитость публичного пространства экспертных обсуждений – эти и другие явления как проявления кризиса экспертизы нуждаются в философской рефлексии.

Акцентуализированное внимание к позиции профана в разных областях социальных отношений в совокупности с кризисом экспертности (коммерциализация, ангажированность, ошибки при оценке объектов и ситуаций в предельно сложных случаях) позволяет говорить о складывании настроенности общества на практики контр-экспертизы. Противопоставление экспертизы и контр-экспертизы проходит по линии стремления к объективности (соблюдения внешних нормативов объективности) и открытого провозглашения субъективности. В рамках контр-экспертизы, как отмечается в тексте С.Ю. Шевченко, обсуждение направлено не на прояснение фактов (в этом споре возможно отстоять критерии авторитетности), а на фиксацию способов задания и измерения предметов науки.

Философское обсуждение сущности и перспектив экспертизы и контр-экспертизы, статуса экспертного знания требует уточнения сущности экспертной деятельности и трактовки ее субъектов. Один и, следует признать, наиболее распространенный вариант понимания экспертизы приравнивает ее к оцениванию, сравнению с образцом, понимаемым преимущественно как заданный стандартами научности и стилем научной рациональности.

Однако в ряде сфер, в первую очередь в области технаучных высокотехнологичных проектов, нормативно и практически складывается иное понимание экспертизы. Появление принципиально новых объектов, социальных отношений, конфликтов, значимость личностной биографической размерности ситуации, затруднения для лица, принимающего решения, в отношении которого эксперт высказывает позицию, делает невозможным сравнение с образцом. Что требует трактовки экспертизы как междисциплинарной исследовательской деятельности и ее проведения как практической коммуникации между субъектами, представляющими различные «жизненные миры» – ценностные системы, мировоззренческие ориентации, стандарты принятия решений. В числе таких субъектов обязательно присутствуют носители профанного знания, чья позиция в процессе

экспертизы как минимум равнозначна позиции эксперта. То есть имеет место включение внутрь экспертизы контр-экспертизы, что снимает их жесткое противопоставление. В ходе коммуникативного взаимодействия с экспертами, столкновения с экспертной позицией пласты специализированного знания должны быть осмыслены неспециалистом как приемлимые/неприемлимые основания личностного выбора и могут быть учтены/не учтены в контексте личностных аргументов, обусловленных биографическими особенностями. Именно носитель профанного знания осуществляет лично значимый феноменологический выбор. Он происходит на основании неповторимого сочетания факторов, влияющих на позицию отдельного субъекта, его семьи, группы лиц, часто неотрефлексированных и невербализованных даже для самого человека, что создает ограничения на алгоритмизацию поведения индивидов, их нормативное оформление в праве и актуализирует именно экспертные процедуры. Институциональное оформление экспертизы как постоянной исследовательской практики с институционализированным диалогом внутри высокотехнологичных научных проектов становится стандартом, например, при развитии биобанков и биобанкинга [Брызгалова, Аласания, Садовничий и др., 2016, с. 8–21].

Коммуникация носителя профанного знания с экспертом в контексте научно-технологических вопросов «реализуется там, где имеются разнопредметно организованные позиции ее участников». Каждый участник коммуникации мыслит и действует в своей ситуации, создает свой текст, описывающий ситуацию, и передает этот текст другому. Этот «другой» формирует некое понимание экспертного текста, включает/не включает его в ситуацию практической деятельности или выстраивает новую ситуацию. Так, признание в биоэтике значимости «профанного знания», как показывает П.Д. Тищенко, связано с поиском ответа на главный вопрос биоэтики: «как возможно мыслить инако-мыслие»? [Тищенко, 2011, с. 15]. Коммуникация между экспертом и профаном в отношении конкретной ситуации как бы заново устанавливает границы человека в условиях вариативности и персонифицированности понимания блага, нормы/патологии, искусственного/естественного. Диалог профана и эксперта каждый раз заново осмысливает эти границы, которые в каждой ситуации персонально переживаются субъектом принятия решения. Целевой установкой общения с экспертами тогда является понимание сути требующегося выбора, обстоятельств его вынесения, последствий принятия определенной позиции. В этом случае у экспертной позиции есть возможность, но не необходимость, стать частью позиции носителя профанного знания.

В современной экспертной деятельности меняется отнесенность экспертной функции к знающему. Каждый из участников коммуникации является и экспертом, и профаном, что ведет к провозглашению

коммуникативного равноправия знаний, относящихся к разным сферам духовного освоения действительности, т.е. экспертиза и контр-экспертиза постоянно меняются местами, в том числе в институциональном закреплении. В статусе экспертов могут быть представители различных форм духовного освоения действительности, относительно позиции другого эксперта каждый будет выступать профаном, более того, позиция одного субъекта по разным вопросам будет иметь различный статус. Таким образом, возникает когнитивная и мировоззренческая неоднородность, которая, реализуясь в аргументации экспертов, создаст сферу высокой неопределенности экспертной позиции для профана, что может быть одним из аргументов в пользу развития контр-экспертизы. В тексте С.Ю. Шевченко ярко продемонстрирован значимый парадокс контр-экспертизы: стратегическая линия развития ее практик связана с накоплением экспертности внутри контр-экспертизы (развитие методик оценочного измерения феноменального опыта) при одновременном критическом развенчании объективности экспертизы как оценки (в том числе при следовании стратегии замалчивания и дериватизации (свидетельства от чужого лица)).

Представления о допущении равенства профанной и экспертной позиции несколько идеализирует незаинтересованность экспертов в принятии индивидом определенного решения. Интерес эксперта может базироваться на различных основаниях – научных, коммерческих, социальных, иных и иметь разную степень личной мотивации. При установке на равенство позиций участников коммуникации стейкхолдеры научных и технологических экспертиз получают в диалоге право на разворачивание собственных аргументов как сугубо научных, объективированных, лишенных субъективности, без прояснения оснований личной (или коллективной) заинтересованности в определенном решении. Возможно допустить гипотетическую возможность выделить знаниевую и оценочную стороны позиции эксперта, однако не представляется возможным детально описать условия, в которых для неспециалиста в процессе коммуникации подобная дифференциация практически достижима.

При попадании в лично значимую ситуацию, в которой необходимо осуществить принятие (или отклонить) вариант действия, подвергающего экспертизе, в повседневный жизненный мир обычного человека вторгаются пласты специализированного знания. Неспециалист оказывается в неадекватном образовательному уровню когнитивном и языковом поле, чрезмерно насыщенном экспертными понятиями, задающими грамматику обозначения человека. Как показывает Р. Харре [Харре, 2005, с. 38–63], существует устойчивая связь между языковыми инструментами, используемыми специалистами в коммуникативных актах (метафоры, символические операции, правила вопросных процедур и т.д.), и представлениями о допустимых границах действий. Коммуникативное взаимодействие носителя профанного

знания и эксперта можно отнести, по терминологии В.В. Дементьева, к «непрямой коммуникации». Этим понятием он предлагает характеризовать «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата...» [Дементьев, 2006, с. 3]. Так, биоэтический дискурс включает «знание об обстоятельствах личной жизни, собственных экономических возможностях для лечения, жизненные планы. В определенном смысле профанное знание является результатом срабатывания этических требований как методологических правил» [Сидоренко, 2005, с. 286].

Экспертная позиция может быть представлена в различных вариантах институционализации. Если экспертная позиция становится доступной неспециалисту через непосредственное взаимодействие с конкретными носителями знания экспертами, то в реальной коммуникативной ситуации возможно уточнение позиции эксперта с учетом жизненного мира носителя профанного знания, может иметь место поправка на индивидуальные особенности восприятия. Коммуникативная ситуация прямого общения допускает гипотетическую возможность выделить знаниевую и оценочную стороны позиции эксперта, однако, как было указано выше, практически эта задача крайне сложна.

Иного типа коммуникативная ситуация возникает, когда человек приобретает к специализированному знанию через публичную ретрансляцию медиатекстов. В этом случае позиция эксперта часто дополнительно преломляется через журналиста как медиатора, а конкретный читатель, слушатель и зритель – носитель профанного знания будет испытывать практически непреодолимые затруднения при попытках выделить знаниевый пласт экспертного сообщения. Медиатекст становится сферой столкновения и взаимного наложения множества экспертных позиций. Эти позиции культурно, хронологически и социально неоднородны. Сам медиатекст выполняет, в первую очередь, мировоззренческую функцию, тиражируя ценностные установки целевым аудиториям. Ассоциативная образность медиатекстов, их стиливые особенности, эмоциональная включенность, скорее, препятствие для рационального анализа экспертных позиций, их направленность – интенциональное принятие субъектом некой мировоззренческой базы для личного выбора. Восприятие медиатекста и ситуация принятия решений могут быть отдалены во времени так, что установить реальную значимость экспертной позиции для носителя профанного знания не представляется возможным, т.е. даже при провозглашении в качестве основания действия контр-экспертной позиции она не может быть жестко демаркирована от экспертной. Соотношение экспертизы и контр-экспертизы становится еще более сложным, если решение принимается носителем профанного знания за другого индивида, который в силу

различных причин не обладает статусом субъектности в принятии решений и действии.

Экспертиза и контр-экспертиза имплицитно связаны с принятием определенного образа будущего. Если и для эксперта, и для профана приемлем сциентистский вариант развития общества, высокая ценность рациональности и инновационности, то близость позиций может объединить их, создав благоприятные условия для принятия аргументов «другого». Обратим внимание на то, что позиция эксперта-ученого зачастую связана с установкой на то, что основным критерием успешности деятельности является не объяснение фактов, а возможность изменения объектов мира. Профан и эксперт могут объединиться и на позициях отрицания научно-технологической перспективы общества, однако такое вряд ли возможно с экспертом-ученым. Но нельзя упускать из виду, что в статусе эксперта может выступать носитель иных форм нормативности (религиозной, эстетической, аксиологической и т.д.). И в этой части текст С.Ю. Шевченко, в значительной степени сводящий экспертизу к научной, может быть дополнен.

Если в коммуникативной ситуации будет иметь место столкновение неперекрывающихся образов желаемого будущего, несовпадающих представлений о месте в будущем обществе знаний и технологий, то отсутствие общей базы поставит профана и эксперта на позиции, затрудняющие диалог. У носителя профанного знания диапазон возможных позиций предельно широк: от консервативной традиционалистской установки (при этом профан может чувствовать себя как отвергаемый технократическим обществом маргинал) до безоговорочного принятия преобразовательного пафоса общественного развития, обеспечивающего психологическую поддержку коммуникации с экспертом – апологетом сциентизма.

Невозможно отрицать, что на этапе перехода от экспертных обсуждений к действию контр-экспертная позиция становится более ответственной. Позиция носителя профанного знания не может быть определена как решение: объединение аргументов экспертов или как автоматическое присоединение к позиции, кажущейся наиболее рациональной и (или) обоснованной. Суммирование аргументов экспертов зачастую невозможно, так как они базируются на различных теоретических основаниях, допущение равноправия которых является особенностью современной науки, испытывают влияние прагматической заинтересованности и личностных миров стейкхолдеров. Определение позиции для носителя профанного знания (контр-экспертиза) не может быть описано как путь рационального рассуждения на базе ценностно отстраненных суждений экспертов о фактах (они попросту невозможны). Коммуникация эксперта и профана не снимает проблемы личной ответственности неспециалиста как субъекта принятия решения за последствия

сделанного выбора, сделанный выбор не исключает сомнения в правильности сделанного шага.

Выделим некоторые парадоксы коммуникации, возникающие при взаимодействии профанного и экспертного знания. Коммуникация между профаном и экспертом по поводу научно-размерных ситуаций является практикой, которая может быть рассмотрена в призме различных оптик – лингвистической, социологической, социально-политической, психологической, фиксирующих несколько парадоксов. Ситуация коммуникативного парадокса связана с наличием нескольких противоположных утверждений, одно из которых является отрицанием другого. Парадокс представляет собой крайнее выражение антитезы, рассуждение, доказывающее как истинность некоторого высказывания, так и истинность его отрицания.

С эпистемической позиции можно говорить о нескольких парадоксах. «Парадокс равенства» – это невозможность признать гносеологическое превосходство рациональных экспертных заключений в сравнении с экзистенциальной позицией носителя профанного знания, обладающего биографическим пластом знаний, уникальным сочетанием в жизненном мире рациональных и иррациональных компонентов, влияющих на личностный выбор. «Парадокс ограниченного выбора» – это невозможность для носителя профанного знания при наличии явных противоречий между позициями экспертов, принять как совершенно не связанное с этими позициями решение, так и решение, являющееся суммативным результатом экспертных заключений. «Парадокс избытка/дефицита» – невозможность предопределить решение носителя профанного знания на основе качественной и количественной избыточности или дефицита экспертных заключений.

По мере развития науки и технологий, видимо, парадоксы коммуникации между экспертной и контр-экспертной позициями будут проявлять себя в еще более контрастных и очевидных формах. Можно сказать, что научный характер экспертной позиции не является фактором, снижающим парадоксальность коммуникации, поскольку особенности современной науки и порожденных ею технологий ведут к множественности концептуальных оснований научной экспертизы. Парадоксальность коммуникации между «профанным» и научным знанием отражает ее сложность, многообразие ее целей и форм, а сама коммуникация становится инструментом проектирования желаемого образа общества, основанного на знаниях и опирающегося на технологии.

Представляется, что перспективы профанного знания связаны не с его постепенным устранением. Целостное мировоззрение будет интегрировать экспертные знания, ставя их в подчинительное положение относительно принимаемой ценностной матрицы, приводя к принципиальной неустраимости контр-экспертного компонента в принятии решений.

Подведем итоги. Экспертиза не может быть охарактеризована лишь как процедура сравнения ситуации с образцом. Она содержит как когнитивно-интерсубъективную (знаниевую) компоненту, так и оценочную, личностно размерную компоненту и требует трактовки как исследовательской практики. Контр-экспертиза как позиция и действия профана не сводимы к формату согласия с определенной экспертной позицией, даже при внешней схожести сделанного неспециалистом выбора с определенной экспертной трактовкой, поскольку позиция носителя профанного знания определяется в результате феноменологического, социально размерного выбора. Коммуникация с экспертом может строиться как в формате личного общения, так в варианте «непрямой коммуникации», т.е. быть опосредованной медиаторами и представленной в виде медиатекстов, выполняющих различные функции. Результаты коммуникации определяются множеством факторов, среди которых важно обратить внимание на совпадение (несовпадение) образов будущего, имплицитно присутствующих в экспертизе и контр-экспертизе, а сама коммуникация между профаном и экспертом по поводу науко-размерных ситуаций может быть рассмотрена в призме различных оптик – лингвистической, социологической, социально-политической, психологической оптик, фиксирующих ряд несколько парадоксов (равенства, ограниченного выбора, избытка/дефицита).

Список литературы

Брызгалина, Аласания, Садовничий и др., 2016 – *Брызгалина Е.В., Аласания К.Ю., Садовничий В.А. и др.* Социально-гуманитарная экспертиза функционирования национальных депозитариев биоматериалов // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 8–21.

Тищенко, 2011 – *Тищенко П.Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 331с.

Харре, 2005 – *Харре Р.* Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. № 4. С. 38–63.

Дементьев, 2006 – *Дементьев В.В.* Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

Сидоренко, 2005 – *Сидоренко Л.И.* Методологическое измерение этоса постнеклассического биологического исследования // Философия науки и техники. 2005. № 1. С. 280–289.

References

Bryzgalina, E.V., Alasaniya, K.Yu., Sadovnichiy, V.A. “Social’no-gumanitarnaya e`kspertiza funkcionirovaniya nacional’ny`x depozitariy biomaterialov” [The Social and Humanitarian Expertise of Functioning of the National Depositories of Biomaterials], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 8–21. (In Russian)

Tishhenko, P.D. *Na granyax zhizni i smerti: filosofskie issledovaniya osnovaniy bioetiki* [On the Verge of Life and Death: Philosophical Investigations of the Foundations of Bioethics]. Saint Petersburg: Mir, 2011, 331 pp. (In Russian)

Harré, R. “Gibridnaya psikhologiya: soyuz diskurs-analiza s neironaukoy” [Hybrid Psychology: A Tandem of Discourse-Analysis with Neuroscience], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2005, no. 4, pp. 38–63. (In Russian)

Demytyev, V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect Communication]. Moscow: Gnozis, 2006, 376 pp. (In Russian)

Sidorenko, L.I. “Metodologicheskoe izmerenie etosa postneklassicheskogo biologicheskogo issledovaniya” [Methodological Dimension of the Ethos of Post-neoclassical Biological Research], *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*, 2005, no. 1, pp. 280–289. (In Russian)